

довые славянофилы сделали значительные уступки «западническим» идеалам, выразившимся в «Декларации независимости» и «Декларации прав человека». Об этих годах (1861) думал Тургенев, когда он — «неисправимый западник» — писал, что он в споре Лаврецкого с Паншиным (в «Дворянском гнезде») отдал предпочтение защитнику славянофильских идей, пользовавшихся тогда уважением в действительности. Но, конечно, соглашение не могло удержаться, и западники очень скоро разошлись со славянофилами, уже по вопросу о балканских славянах.

В настоящее время борьба между западниками и славянофилами пришла к концу. Владимир Соловьев (1853—1900), религиозный философ, в высшей степени симпатичный, преждевременная кончина которого вызвала столько сожалений во всех лагерях, был с Иваном Аксаковым и работал в его «Руси» только в первые годы своей литературной деятельности. Он был слишком хорошо знаком с историей и философией, обладал настолько широким умом, что не мог не порвать очень скоро со славянофильским «национализмом», и уже в 1884 году он выступил с замечательнейшей полемикой против Аксакова и вообще против самых основных канонов славянофильства. Теперешние представители этой школы, не обладая вдохновением, характеризовавшим ее основателей, упали до уровня мечтателей о «величии империи» и войнолюбивых националистов или ортодоксальных ультрамонтанов, и их интеллектуальное влияние сводится к нулю. В настоящее время борьба идет между защитниками беспартия и борцами за свободу, защитниками капитала и защитниками труда, защитниками централизации и бюрократии и борцами за республиканский федеративный принцип, независимость муниципальную и деревенской общины — «мира».

Политическая литература за границей

Громадным неудобством для России было то обстоятельство, что ни одна из славянских земель не обладала той степенью политической свободы, как, например, Швейцария или Бельгия, и не могла поэтому дать политическим изгнанникам из России такого убежища, где бы они не чувствовали себя совершенно изолированными от родины. Русским, убегавшим из России, приходилось селиться в Швейцарии или Англии, где они вплоть до недавнего времени оставались совершенно чужими. Даже Франция, с которой у них было гораздо более точек соприкосновения, не всегда охотно открывала им свои двери, а две ближайшие к России страны — Германия и Австрия, — не будучи сами свободными, оставались закрытыми для политических изгнанников. Вследствие этого вплоть до последнего времени эмиграция из России по политическим и религиозным причинам была очень незначительна, и за весь XIX век лишь в течение немногих лет политическая заграничная литература эмиграции оказывала действительное влияние на Россию. Это было во время издания Герценом его «Колокола».

А. И. Герцен (1812—1870) родился в богатой семье в Москве — его мать, впрочем, была немка — и в юности своей вырос в дворянской части Москвы, в «Старой конюшенной». Французский эмигрант, немец-воспитатель, русский учитель — большой поклонник свободы, богатая отцовская библиотека, составленная главным образом из французских и немецких философов XVIII века, — таковы были влияния, под которыми складывалось воспитание Герцена. Знакомство с французскими энциклопедистами оставило глубокий след в его уме, так что позднее, когда он, подобно всем своим друзьям, увлекся изучением немецкой метафизики, он все же сохранил конкретный способ мышления и реалистическое направление ума, данные ему чтением французских философов великого XVIII века.

Он поступил в Московский университет на физико-математический факультет. В те годы французская революция 1830 года, впервые пробившая мрачную реакцию, царившую с начала века, произвела глубокое впечатление на всех мыслящих людей Европы, и кружок молодых людей, в состав которого входили Герцен, его интимный друг поэт Огарев, будущий исследователь народной поэзии В. Пассек и несколько других, проводил целые ночи в чтении и обсуждении произведений политического и социального характера, причем особенное внимание было обращено на сен-симонизм. Под впечатлением тех сведений о декабристах, какие до них дошли, Герцен и Огарев, еще мальчиками, дали «Аннибалову клятву» отомстить за этих первых борцов за свободу. На одном из собраний этого молодого кружка, во время дружеской пирушки, распевались песни, в которых непочтительно упоминалось имя Николая I. Об этом дошли слухи до тайной полиции; в квартирах молодых людей был сделан обыск, и они были арестованы. Некоторые из них были высланы из Москвы, другим, вероятно, пришлось бы попасть в солдаты, подобно Полежаеву и Шевченко, если бы не заступничество высокопоставленных лиц. Герцен был сослан в глухой губернский город, Пермь, откуда его перевели потом в Вятку и еще